АВГУСТ 1928 г.
Цена 15 коп.
№ 32
VI ГОД ИЗДАНИЯ

СМЕХАЧ



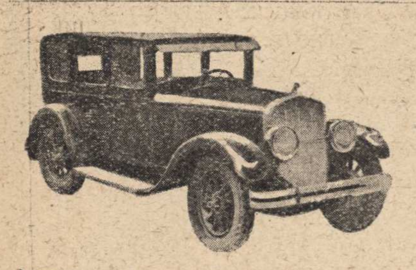
— За что же вас, товарищ, с хлебозаготовок сняли?
— За пустяковую техническую ошибку: надо было, чтобы весь аппарат у меня в кулаке был

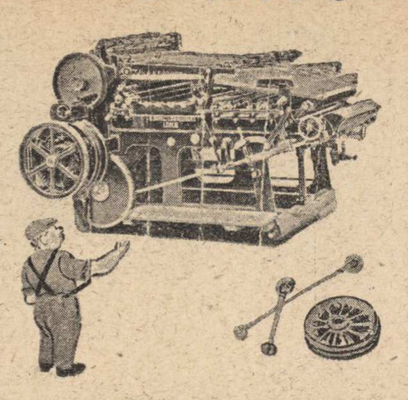
Рис. М. Черемных

К ИСТОРИИ МАШИН

Рис. Н. Д.

У нас на некоторых заводах есть заграничные машины, для которых нет работников.


Заграничная машина, для которой всегда найдутся работники.


Заграничная машина, для которой трудно найти работников.


Заграничная машина, на которой трудно заработать.



Заграничные машины, на которых легко заработать.

НЕ СМЕШНОЕ

Не успели
Спрятать баррикады,
Погасить походного огня,—
Как везде
Зашевелились гады,
Площади и рынки полоня.

И оттуда,
С площадей и улиц,
Тысячи
Ехидных змей и псов
Потихонечку переметнулись
На стропила
Наших корпусов.

Их сумеешь
Распознать не часто:
Ведь, они недаром много лет
Проходили
Техникум лукавства
И угодливости
Университет

А теперь,
В расцвет весны рабочей,
В шуме сутолоки и суеты
Незаметными червями точат
Новых всходов
Первые листы.

Проползли
В число незаменимых.
И—нужна нам ухищрений тьма,
Чтобы знаки
Хитрости змеиной
Не принять
За признаки ума

Чтобы желчь и яд усмешки дрянной
И антисоветский каламбур—
Не принять
За «творческую странность»
Чересчур «возвышенных натур»...

Время, братцы,
Время оглядеться,
Твердым взмахом расчищая путь,
Чтобы груз проклятого наследства
Поскорее
С плеч своих стряхнуть...

Мы куем
Страну весны и смеха...
Мы плывем... Поем: «Не страшен норд!
Тот, кто нам окажется помехой,
Будет бурей
Выброшен за борт!»...

Александр Жаров

ВНЕДРЕНИЕ

«Во всей работе по размещению облигаций 2-го займа индустриализации должен быть соблюден принцип добровольности. Повторение принудительных методов размещения, имевших место кое-где при реализации займа укрепления крестьянского хозяйства, не будет допущено».

Н. П. Брюханов

Небо было ясно. Солнце грело. И казалось: сегодня над раз'ездом Баксары (Омской) не разразится гроза — с ливнем, молнией и громом. Но это только казалось.

Незаметно тучи надвинулись в лице уполномоченного Макушинского РК ВКП(б) по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства, тов. Жукова, секретаря Головинской ячейки ВКП(б) Нефедова и секретаря ВЛКСМ Вахминцева.

— Созвать немедленно общее собрание рабочих! — приказал уполномоченный Жуков.

— Сейчас же чтоб тут было общее собрание рабочих! — повторил приказание секретарь Головинской ячейки.

— Сию минуту собраться рабочим! — пропищал вождь ВЛКСМ Федя Вахминцев.

Когда рабочие собрались, тов. Жуков закурил и произнес свою короткую и выразительную речь:

— Я давно заметил, — об'яснил этот уполномоченный, — что вы, транспортники, даром едите советский хлеб!..

— Волки вы в овечьих шкурах! — крикнул с места Нефедов.

— Черепахи! — пискнул Вахминцев.

— И вот вам коротко и ясно: — продолжал Жуков — немедленно подпишитесь на заем укрепления крестьянского хозяйства. На 500 рублей! А не то у меня живо под суд!..

— В собачий ящик! — поддержал своего старшего товарища секретарь Головинской ячейки.

— На высылку в Архангельскую губернию! — внес предложение представитель ВЛКСМ.

Кое-кто из рабочих, мягко выражаясь, возмутившись методами распространения займа, попросил слова, но крепко спаянная тройка — Жуков, Нефедов и Вахминцев — закричали:

— Никаких вам слов не полагается! Ваше дело подписываться, а не болтать зря языком. Если каждый будет говорить, что-ж это получится!

— Не позволим!

— Бузотеры!

— Никаких слов!

— Вот вам заем на 500 рублей и выполняйте боевой приказ из центра. А кто не выполнит, с тем особый разговор...

— За машинку и в конверт!

— На высылку в Архангельскую губернию! — пищал секретарь ячейки ВЛКСМ...

*

Вероятно, в отчете о своей работе уполномоченный Макушинского РК ВКП(б) по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства, тов. Жуков писал красивым почерком, приблизительно так:

«На раз'езде Баксары (Омской) рабочие единогласно и единодушно добровольно и без всяких лишних разговоров подписались на заем».

Еще бы, попробуй тут, поговори!

Б. Прозоров

АЭРОЛИТ

Скворцову впервые доводилось лететь на аэроплане.

— Стыдно, стыдно, Семен Иванович! — говорили знакомые. — В XX веке жить и не побывать на воздухе? Культурный человек должен испытать все прелести завоеванной техники: и авто, и аэро, и крематорий... На праздниках все равно хотели ехать в Харьков, так слетайте лучше туда на «Юнкерсе».

Уговорили.

Ощупывая в кармане соточку пшеничной, Скворцов подрагивающими ногами влезал в кабинку.

— Сробею, — выпью! — думал он, плотнее усаживаясь в кожаное кресло.

Самолет качнулся. У Скворцова замерло сердце, цепенея, он всосался в кресло.

— Господи, пронеси! — прошептал он безотчетно, сунул правую руку в карман и мелко закрестился.

— Сотка!

Не сводя глаз с настороженной спины пилота, Скворцов отколупнул сургуч и мизинцем проткнул пробочку. Незаметно вытащил в кулак соточку и крупными глотками выцедил ее.

— Фу, фу!—облегченно вздохнул Скворцов. — Сразу полегчало!.. Да чего я, собственно, испугался? Люди на полюс летают!.. Безбожник, значек носишь, а господа бога вспомнил... Ха, ха, ха!...

И выбросил бутылочку за окно в свистящий воздух...

***

Самолет летел как раз над проселочной дорогой. Пообок ее, по зеленой мураве, брела в село Дерюги старуха Федосеевна.

— Не опоздать бы! — шамкала она. — Не опоздать бы! Престол нынче там! Праздник громадный, Петра и Павла!

И прислушивалась: нет ли благовеста?

Вдруг впереди ее упало с неба что-то невыразимо сверкающее. Упало и слегка подпрыгнуло от мягкой травы.

Федосеевна остановилась и испуганно закрестилась.

— Свят, свят, свят господь саваоф!

Очухавшись, она подошла и увидела в траве сотку.

— Знак с неба?.. Отметил меня, молитвенницу!..

Подняла и недоуменно нюхнула сотку.

— Водка, али самогон?.. Что ты скажешь? А?..

Посмотрела на голубые небеса, покачала древней головой и начала корить:

— Это что же такое выходит? И на небе, значится, тоже распущенство, пьянство и гулянство? И обедня еще не отошедши, а они там с утра зелье это лопают! Стыд и срам!.. Век веровала, а коли так — лучше к староверам уйду, пню кланяться буду!..

И, смахнув обидчивую слезу, старуха повернула обратно...

В. Тоболяков

СТРОИТЕЛЬНАЯ СКАЗКА

Жил-да был рыбак-архитектор, любивший в мутной воде рыбку ловить. Закинул он однажды удачно удочку и чувствует — клюет! Стал тащить и вытащил золотую рыбку-ассигновку. Обрадовался. Хотел было ее слопать всю с потрохами, да рыбка вдруг заговорила:

— Отпусти меня! Что хочешь, проси — все исполню!

— Ладно! Хочу рабочие коттэджи строить, чтоб с каждого коттэджа магарыч иметь, чтоб баба моя могла себе туфельки справить, чтоб могли мы с ней на курорт с'ездить!

— Иди, и будет у тебя все, что спросил! — отвечала рыбка.

Вернулся рыбак домой и точно: видит он свою бабу в новом наряде и чувствует в кармане своем магарыч. Но показалось ему все же, что за дешево отпустил он рыбку.

Снова явился к морю и кликнул рыбку-ассигновку:

— Эй, рыба бездушная! Много ли толку в коттэджах, долго ли такой магарыч прожить? Хочу коммунальные дома строить в 5 этажей, чтоб с каждого этажа тысячи иметь, чтоб баба моя по-заграницам каталась, чтоб в золотых браслетах гуляла, чтоб мог я старость свою обеспечить!

— Иди, и будет у тебя все, что спросил! — отвечала рыбка.

Вернулся рыбак домой и точно: жена в нарядах заморских да в золоте — заграничной визой хвастает, на текущем счету кучи червонцев проценты приносят, и все, что рыбка обещала, то и исполнилось. Но показалось рыбаку, что он все-таки прогадал.

Подбежал он к синему морю и заорал:

— Эй ты, рыбья морда! К чертям твои подачки! Гони немедля заказ на дворцы-небоскребы, чтоб мне не тыщи иметь, а десятки тыщ, не одну бабу, а сорок, чтоб ты, ассигновка-золотая, всегда к моим услугам была. Ну, жива-а!

Ничего рыбка на это не ответила. Уплыла.

А когда вернулся рыбак домой, увидал он только разбитое корыто да военную стражу.

Отвели рыбака в исправдом, и строит он там не дворцы-небоскребы, а лепит из хлебного мякиша игрушечные домики.

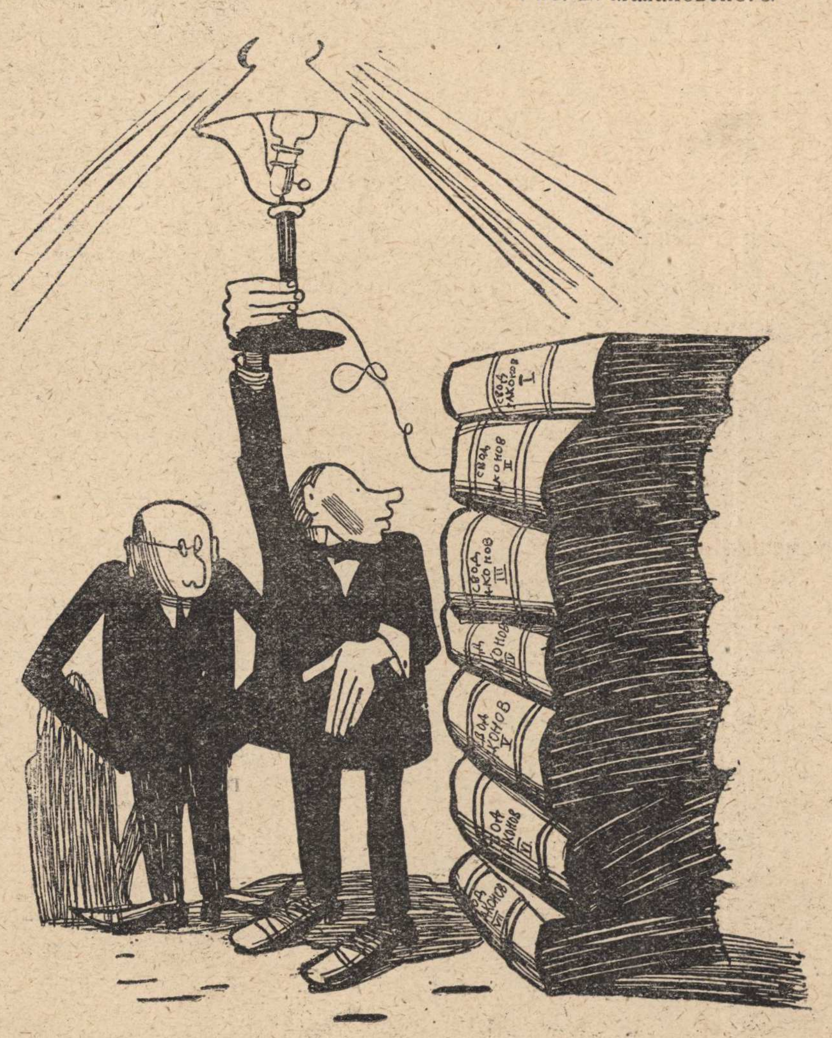
И я там был, мед-пиво пил, по карманам текло и под амнистию попало!

P. S. А рыбку-ассигновку уже другой рыбак-архитектор выудил. Такие-то дела!

Волк

ВРЕДНЫЙ ПРОБЕЛ

Рис. Б. Малаховского



— Вы знаете, товарищ, наш свод законов грешит неполнотой...

— Почему вы так думаете?

— Ну как-же: в нем нет ни одной статьи о привлечении за самокритику...

ЩЕТКА

Кудеяров — мой сосед. Молодой человек с общественной жилкой. Мне кажется, лозунгами он питается, как витаминами класса А.

В трамвае я ехал рядом с Кудеяровым.

— Как живешь?

— Хорошо. Живем, как говорится, по казачьи, а спим по собачьи. Сейчас культреволюцию внедрял в себя.

— Внедрил?

— Отбрякал! Зубы, ведь, чистить стал. Щетка у меня замечательная! Белая-пребелая, с костяной ручкой. А долго привыкал я к щетке. Бывало, проснешься утром, обмахнешь лицо водой, а про зубы и позабудешь. Потом стал рукав у толстовки завязывать. Станешь надевать ее, сразу и вспомнишь!

Кудеяров указал на висевшее об'явление о зубной пасте. Розовый листочек изображал чей-то белоснежный оскал зубов.

— Наверно челюсть какого-нибудь академика! — с восхищением сказал Кудеяров.

— Почему, именно, академика?

— Да очень зубы-то чистые! — простодушно сознался Кудеяров. — Культурные!

Утром я зашел к Кудеярову. На стенах его комнаты висели писаные и печатные лозунги: «Чистые зубы — дорога к социализму!», «Молодыми и чистыми зубами грызи гранит науки!..»

— Приветствую! — сказал Кудеяров. — Как по твоему, пил я вчера или нет?

— Женщины, особенно жены, отгадывают это просто. Дохни на меня.

Кудеяров дохнул.

— Не пахнет...

— Не пахнет!! — торжествовал он. — А пьян вчера был в дымину. Даже оштрафован за приставание к женщинам. Но, как культурный человек, наловчился изгонять спиртной дух... Восемь раз сегодня чистил зубы! И шито, и крыто и нос в табаке!

— Как идет твое учение? — спросил я, указывая на разбросанные по столу книги.

— Полным ходом! Почти все экзамены уже скинул... Теперь другим внедряю культурные навыки. Даже доклад о зубной щетке завтра читаю.

Он показал мне доклад, начинавшийся словами:

«На щет зубной щетки я должен»...

P. S. Товарищ редактор! У меня есть эпиграф из «Правды», послуживший канвой для фельетона. Эпиграф таков:

> «У нас все еще льется поток общих пустозвонных фраз о культурной революции, — при этом разбазаривают, разменивают на культуртрегерские «пятачки» лозунг культурной революции: культурная революция, это — чистые зубы, культурная революция, это — благоустроенная уборная» и т. д.

Самокритик

Рис. А. Радакова

ЕВРОПЕЙСКАЯ АРИФМЕТИКА



КИТАЙСКИЙ ГЕНЕРАЛ: — Хватит?
АНГЛИЧАНИН: — Еще немножко... Мы, европейцы, любим круглые цифры.

ПРИКЛЮЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРА НЕСВИЖСКОГО В НЬЮ-ЙОРКЕ

О том, как бухгалтер Несвижский попал в Нью-Йорк, я рассказать вам, к сожалению, не имею возможности. Знаю только, что попал он туда без заграничного паспорта.

Ну, что-ж, Нью-Йорк, так Нью-Йорк. В Нью-Йорке человеку тоже кушать хочется.

И очутился бухгалтер Несвижский на мельнице Дика. Как честный советский человек, бухгалтер Несвижский с первых же дней своей работы стал возмущаться «дикими» нравами, царившими на мельнице Дика.

Контора вся из «своих» людей. Темные делишки при покупке и продаже зерна. «Домашняя» отчетность. Обсчет рабочих при выдаче зарплаты...

— Безобразие, — думал бухгалтер Несвижский, — полная противоположность тому, что делается на советском предприятии... Как раз наоборот...

❦

Сколько дней и ночей возмущался бухгалтер Несвижский нью-йоркскими нравами, я также в точности не знаю. Но однажды у него лопнуло терпение, и он решил искать правды.

Искать правды в Нью-Йорке — слышите!

В первую очередь Несвижский отправился на поиски председателя... завкома. Наивный советский бухгалтер!

Рабочие показали ему:

— Вот председатель завкома.

Но предупредили:

— Он в стачке с администрацией...

Советский бухгалтер Несвижский даже не понял, что это значит.

— Как это в стачке с администрацией?

Рабочие улыбнулись и ничего не ответили.

Пришел Несвижский к председателю завкома:

— Так и так. Безобразия у вас большие...

— Что-о-б? — рассвирепел председатель. — Убирайтесь к чорту! Не ваше дело...

И ушел Несвижский в большом смущении. Но к чорту решил пока не отправляться, а продолжать искать правду.

Вспомнил бухгалтер, что в советской стране, ежели профсоюзная организация гнет неправильную линию, можно пойти в партийный комитет. И подумал:

— Наверное, и в Нью-Йорке есть партийный комитет...

ПОПУЛЯРНАЯ ЛИНИЯ

Рис. В. Козлинского



— Скажите, дорогая, мы по какой линии сейчас едем?
— Я лично — по родственной: муж командировку получил.

Оказалось, что в Нью-Йорке, действительно, есть партийный комитет, куда и направился Несвижский.

Секретарь партийного комитета встретил Несвижского очень ласково, выслушал все его разоблачения и сказал:

— Изложите все это на бумаге...

Советский бухгалтер, ободренный тем, что нашел в Нью-Йорке партийный комитет и что в партийном комитете к его разоблачениям относились внимательно, в тот же день принес заявление, в котором разоблачал все непорядки на мельнице Дика.

А вечером, в квартире директора мельницы, состоялась небольшая картежная игра. Секретарь партийного комитета, принимавший активное участие в картежной игре, забавы ради прочел заявление бухгалтера Несвижского.

Посмеялись партнеры...

❦

Сидит бухгалтер Несвижский за толстыми бухгалтерскими книгами и ждет, когда начнет действовать его заявление, а по наивности своей не замечает, что оно уже «действует»: придирки и придирки без конца...

Через несколько дней Несвижский был вызван к директору.

— Вот что, — сказал ему директор, — с сегодняшнего дня вы нам больше не нужны!

Несвижский был крайне поражен этими словами, но, вспомнив тут же, что такие случаи имеют место и в советской стране, решил повести борьбу против неправильного увольнения.

И начал Несвижский писать жалобы. Одну, две, три, десять, пятнадцать жалоб...

Представьте себе, — помогло!

Бухгалтера Несвижского восстановили, но с маленьким понижением: он получил должность сторожа при конторе мельницы.

В Нью-Йорке человеку также кушать хочется. Что-ж, сторожем, так сторожем...

Стал бухгалтер Несвижский сторожем.

Смотрит сторож Несвижский, как к директору мельницы собираются власти, играют в карты и пьянствуют ночи напролет, — смотрит и возмущается.

И снова не выдержал сторож Несвижский. Выпуская однажды под утро пьяного секретаря партийного комитета, он спросил его:

— Скоро ли кончится это безобразие?

— Если будешь много разговаривать, я тебя арестую! — ответил ему секретарь.

А на следующий день бухгалтер Несвижский был уволен с должности сторожа.

И ходит теперь Несвижский по Нью-Йорку без работы и ищет правды.

Ищет правды в Нью-Йорке — слышите!

❦

Вы думаете, это вымысел? Ничего подобного! Голые факты. И даже Нью-Йорк не вымышленный, а настоящий, всамделишный.

Только не город это Нью-Йорк, а пока всего лишь *колония Нью-Йорк*, Артемовского округа.

Гр. Львович



Забор

Текст А. Зорича

Рисунки А. Радакова

У кустаря Павла Ивановича Чуйкина соседские свиньи свалили забор, которым был отделен от улицы его домашний огород.

Заборчик был ветхий и покосившийся, стояны в нем давно подгнили, сорванные доски болтались на ветру, как флюгера, — и свиньям, пробиравшимся на помойку и к грядам с пшеничкой, не стоило особых трудов подрыть и свалить его на пути к этим обетованным местам.

Услышав треск, кустарь Павел Иванович Чуйкин выскочил с детьми во двор и был потрясен видом разрушений и нахальными позами разлегшихся на грядах под дубками свиней. Схватив заступ и на ходу крикнув детям, он кинулся, шагая прямо по петрушке, к дубам. Свиньи вскочили, поняв, что наступил час возмездия, и стадом сделали стремительный тактический фальштосс ко двору; наперерез им мчались, однако, замирая от счастья и на ходу подтягивая спадающие штаны, до зубов вооруженные палками и камнями ребята.

Хрюшек отколотили жестоко, а предводительствовавшей в стаде и известной всей улице отвратительной привычкой шляться по чужим дворам, рябой и вислоухой свинье Моське Павел Иванович отрубил заступом кончик крученого хвоста; вздыхая и бормоча ругательства, он пошел осматривать повреждения и поднимать забор.

Он едва успел вырыть, однако, первую свежую ямку для стояна, как городские плетеные дрожки с пожарным на козлах поравнялись с ним и остановились у столба. Лицо, сидевшее в дрожках, здесь считали весьма влиятельным в кругах; лицо ведало, правда, секцией благоустройства в комхозе и имело, таким образом, чин весьма относительной высоты, но тот факт, что ему козыряли пожарные у каланчи, и к дому его ежедневно подавали по утрам служебную лошадь из обоза, — окружил его имя ореолом власти и величия. Лицо было известно крайней строгостью характера и суровой педантичностью в служебных делах.

— Заборчик чините, сосед? — спросило лицо приветливо, и только по искривленным и поджатым губам можно было догадаться о коварном ехидстве, переполнившем в этот миг его чиновное существо.

— Да, вот... — хмуро и неопределенно сказал кустарь Чуйкин и сделал широкий жест рукой.

— Хорошее дело, хорошее, без заборов нельзя! — все так же приветливо сказало лицо и крикнуло вдруг неожиданно, привстав и свирепо выкатив глаза: — А в секцию благоустройства заявили об обвале? А разрешение уездного инженера имеете?

— Какое-ж разрешение? — растерянно опустив заступ, сказал Чуйкин.

— А такое, что триста рублей штрафу платить хотите?

— Да за что штраф-то?

— А вот за это, — сказало лицо строго и вновь опустилось грузно на сиденье: — пора знать законы! Трогай, Митрофан!

Плюнув, Чуйкин опять взялся было за лопату, но червь сомнения уже проснулся и закопошился в нем; конечно, пустое дело — забор, да кто-ж его знает, какие есть законы о заборах, — все-таки, солидный человек, даром говорить не станет, ему пожарные честь отдают. Он вяло поковырял еще несколько минут и, бросив заступ, прошел через улицу к Амвросию Вагонько, растриге и частному поверенному, о котором говорили на улице, что он большой дока в тяжбах и всяких казенных делах.

Выслушав Чуйкину повесть и всесторонне анализировав инцидент, Амвросий Вагонько сказал, что это дело сложное и серьезное, что по точному смыслу закона каждый ремонт в черте города, действительно, должен быть санкционирован в инстанциях, на которые сослалось давеча влиятельное лицо и юридические науки в данном случае бессильны чем-либо помочь делу.



...Чуйкин увидел на грядах справлявшую свадьбу стаю собак.

Тут же он прибавил, однако, покусав жидкий и мокрый, похожий на мочалу, ус, что ему известен, все же, ход, которым можно повернуть дышло закона; в виду сложности положения он спросил за совет кадку квашеной капусты и две четверти хлебного вина. Цена была несуразная, и Чуйкин ушел, сплюнув и оглушительно хлопнув дверью в сенях, сплошь уставленных чучелами птиц и порожними водочными бутылками.

К концу присутствия он пришел в комхоз. В секции благоустройства ему предложили подать об обвале письменное, оплаченное марками, заявление; нехотя ему об'яснили, что отсюда заявление перейдет для технического осмотра и составления проекционных и иных чертежей к уездному инженеру, по заключении которого и может быть дано разрешение на ремонт.

— Да что-ж там заключать-то, это-ж забор, ему два столба подбить нужно! — снова, изумляясь, сказал кустарь Чуйкин.

— Это все равно, забор или не забор, закон один! — сказал чиновник и прочистил перо в волосах. — По обследованию ваша очередь тридцать шестая.

***

Домой Чуйкин пришел подавленный и мрачный; забор лежал, завалив тротуар, и чужой петух с улицы, щеголяя выправкой перед курами, разгребал, похлопывая крыльями, огромную яму на гряде с сельдереем. Петуха Чуйкин выгнал, но через полчаса увидел на грядах справлявшую свадьбу стаю собак; предварительно они стянули и в клочья изорвали, резвясь, сушившиеся на веревке его плисовые штаны. Когда же он прогнал собак, пришли чьи-то гуси, склевали всю клубнику в садике и, хлебая воду из кадки, нагло стали гоготать под самыми окнами.

Тогда Чуйкин смастерил и водрузил в центре огорода страшнейшее чучело из жениных тряпок и старой половой щетки; но это делу не помогло, потому что чучела не боялись даже воробьи, и чужой скот и птица попрежнему лезли непрестанно с улицы на гряды.

На шестые сутки пришел милиционер из района и строго спросил, долго ли будет, преграждая движение, валяться на улице этот паршивый забор. Ссылками на отдел благоустройства и уездного инженера милиционер удовлетворен не был и сказал, что, может быть, есть закон о чертежах, но есть и другой закон, по которому полагается штрафовать домохозяев, содержащих в беспорядке свои усадьбы и дома. Он ушел, дав неделю срока и что-то записав в большую кожаную тетрадь.

В комхоз Чуйкин ходил ежедневно, но каждый раз там вырастали все новые и новые препятствия; сначала чиновник, принимавший заявления, заболел животом и вместо него посадили близорукую девицу, которая все спутала и от злости, что не может разобраться в папках, стала проверять у посетителей воинские карточки; потом в секции благоустройства начался ремонт и внутренние переезды, спутавшие все столы и отделения, и выдача справок временно была прекращена; когда же кончился ремонт, и больной чиновник вылечил свой живот, оказалось, что исчезло самое Чуйкино заявление и надобно его восстановить, заново оплатив положенным гербовым сбором.

***

Дни текли, и забор лежал попрежнему, загородив тротуар; прохожие чертыхались, по лужам обходя это место, скотина все так же бесцеремонно лезла на грядки и располагалась там, все перерывая вверх дном, как дома.



...Амвросий Вагонько, вышибив пробку ладонью, произнес речь со ссылками на Цицерона.

На десятый день явился, наконец, техник от уездного инженера.

Он измерил забор рулеткой, поковырял в досках и начертил что-то на листке бумаги со штампом; при этом он хмыкал многозначительно, покачивая головой, не отвечая на вопросы, и, уходя, сказал загадочно, что обстоятельства, которыми Чуйкин интересуется, будут раз'яснены в мнении уездного инженера.

Через четыре дня мнение уездного инженера поступило в комхоз; в мнении было сказано со ссылками на многие параграфы и статьи законов и положений о благоустройстве окраин в городах, что забор стар и несколько изношен в основании, отчего ремонт может быть разрешен лишь в случае представления владельцем безусловных гарантий технической безопасности установки.

О том, какие именно гарантии надлежит представить, сказано не было, и Чуйкину посоветывали лично узнать об этом в управлении инженера.

В управлении инженера толком, однако, ничего не сказали, но порекомендовали проштудировать труд «О методах практического ограждения строений, огородов и садов», автором которого был сам уездный инженер.

За двугривенный Чуйкин купил этот труд, но общие рассуждения на тему о частной собственности и необходимости ее ограждения в условиях, когда социалистические начала не достаточно внедрены еще в быт, — утомили его с первых же страниц.

Он с тоской смотрел через окно на валявшиеся мокрые доски и вспоминал о плотнике, который, не вдаваясь в рассуждения о частной собственности и социалистических началах, за целковый брался освежить и заново поставить забор; затоптанный и изгаженный, поклеванный и побитый огород стал походить за эти дни на поле, взрытое снарядами...

Сам Чуйкин, потеряв на хлопоты десять полных рабочих дней, чувствовал себя разбитым и изнеможденным, и у него начинало сосать под ложечкой при мысли, что нынче, выждав все положенные сроки, явится для составления штрафного протокола милиционер из района.

Тут он вспомнил о парламентере, которого присылал Амвросий Вагонько с сообщением, что готов снизить гонорар до двух четвертей вина без капусты; приходилось смиряться, видно, и итти, прихватив в виде задатка бутылку горькой, к знатоку юридических наук и казуистики.

***

Амвросий Вагонько, вышибив пробку ладонью, выпил прежде всего, понюхал хлебную корочку, пустой чашкой постукал себя, давая понять, что бокалы нужно наполнить вновь, по темени — и произнес сперва краткую вступительную речь на тему об общей природе законов, со ссылками на Цицерона, Демосфена и евангелиста Луку.

Затем он выпил еще чашку, пожевал и выплюнул селедочный хвост и сказал, приступая, наконец, к делу, что совет его и мысль просты, как, вообще, бывают просты мысли и идеи всех великих людей.

Его совет состоял в том, что вместо ремонта старого, из старых досок, освежив их, надобно поставить новый забор, потому что для этого санкции инженера уже не требуется, а нужно только за гривенник купить в отделе управления разрешительный бланк. Он вытащил положение с изгрызанной мышами обложкой и прочел, кусая ус, соответствующую статью.

... Рубанком плотник подчищал отсыревшие доски в сарае, и Чуйкин, посапывая весело, вязал их к обструганному переплету третий час, не переставая удивляться находчивой и дерзкой мысли Амвросия Вагонько.

— Года три простоит еще! — сказал плотник, проводя ладонью по гладкой, отполированной доске: — а всего рупь денег, да три часа повозиться.

— Простоит! — подтвердил и Чуйкин.

— Ну, вот, а то говорят — купаться! — сказал плотник.

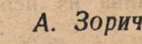
Мимо снова проезжало и остановилось у столба влиятельное лицо.

— Чините? — спросило лицо настороженно.

— Нет, новый ставлю! — ответил, подмигивая плотнику, Чуйкин и вытащил тотчас же купленный за гривенник разрешительный бланк.

— То-то! — сказало лицо внушительно, пожевав губами и повертев бумажку в руках: — Пора знать законы... Трогай, Митрофан!

А. Зорич



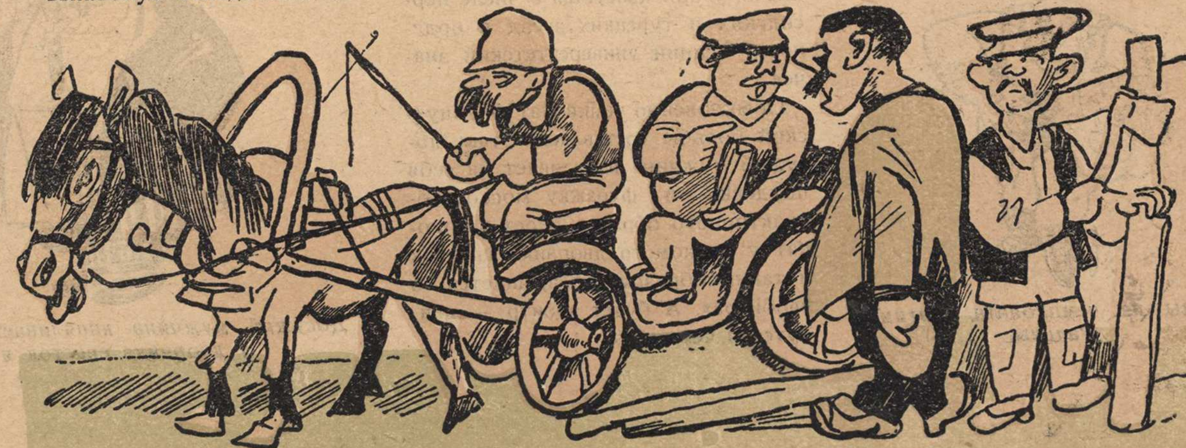


Рис. Е. С.

ЧЕМПИОНЫ

(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Для того, чтобы принимать участие в чемпионате французской борьбы на клубных подмостках и в цирках, совсем не требуется быть французом. Достаточно безграмотности в русском языке и механического знания терминов:

— «Тур-дэ-бра», «тур-дэ-тэт» и «бра-рулэ».

Слово «макароны», позаимствованное из итальянской кухни, означает тоже один из распространенных приемов французской борьбы, который тяжело отзывается не столько на желудке, сколько на шее противника.



...Неизменная «Черная Маска».

Кроме названных приемов, французская борьба указывает еще некоторые приемы, вплоть до «ломки моста», без покушения, впрочем, на наш железнодорожный транспорт.

О таких же приемах, как «заезд в морду» и «лущение зубов» — в правилах французской борьбы не упомянуто ничего.

Между тем, нашему доморощенному борцу без этих приемов все равно, что — тигру в клетке. Никакого размаха!

А разошедшемуся борцу уж ничего не стоит, перешагнув барьер, сжать в своих об'ятиях толстого гражданина из первого ряда так, что толстяк на две головы становится выше и сразу теряет больше пуда в весе.



...Борцы из чемпионата сентиментальны.

Но, вообще, как правило, — борцы из чемпионата сентиментальны, как кисейные девицы из дореволюционной провинции. Борцы все предрасположены к прикладыванию руки к сердцу, к воздушным поцелуям по всем направлениям. Странно это, но факт...



...Будет арбитр,—найдутся и «чемпионы».

Один борец (его уж давно нет в живых: он лежит на обеих лопатках в гробу), тронутый как-то цветочными подношениями, разразился такими обильными слезами, что первые ряды цирка панически бежали, промочив ноги до колен.

❦

Как мы уже вначале упоминали, ликбезы для борцов не обязательны. Но есть среди них и «образованные», с довоенными знаниями не свыше, впрочем, нынешней «первой ступени».

Таких называют в афишах «студентами». И на ленте, одетой через плечо, у них красуется в числе персидских и турецких звезд и орденов — синий университетский значек.



...«Чемпионы мира» вербуются из бывших унтер-офицеров царской службы.

Обыкновенно чемпионат французской борьбы составляется так: досужий мужчина напяливает на себя поддевку и фуражку московско-трактирного образца. Берет на прокат у знакомого дворника свисток и таким образом превращается в «арбитра». А будет арбитр — найдутся и чемпионы.

После этого «арбитр» входит в соглашение с администрацией клуба «Имени красных борцов».

И через пару дней чемпионат начинает уже сеять с подмостков «разумное, доброе, вечное».

❦

На первом плане в чемпионате— неизменная «Черная маска».

Это — тихий, ни в чем неповинный человек, который в течение двух или трех вечеров пыхтит под маской. Потом он теряет терпение.

Тогда афиши сообщают аршинными буквами, что «не щадя затрат — тайна черной маски будет, наконец, открыта».

Впрочем, в виде компенсации, появляется на арене «Красная Маска». Потом — Зеленая маска, оранжевая и т. д... По мере их сил и терпения.

Кроме масок, в чемпионате обязательно участвует несколько «чемпионов мира», которые вербуются, главным образом, из бывших унтер-офицеров царской службы. Все они обычно очень хорошо знают строевой устав и довольно слабо— правила французской борьбы. Впрочем, ничего — держатся.

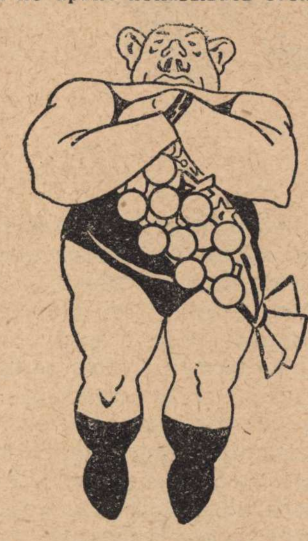


...На ленте, одетой через плечо, красуется университетский значек.

Перед борьбой, по издревле заведенному обыкновению, полагается парад. Тапер играет на рояли «кавалерийский марш». Арбитр возглашает:

— Парад-аллэ!

И борцы, растопыривая набухшие бицепсами руки, отправляются гуськом по арене показывать себя.



...Под звуки кавалерийского марша борцы выходят на арену показывать себя.

Иногда, впрочем, парад меняет свою обычную форму и направление. После команды «Аллэ» борцы не трогаются с места, а поднимают угрожающе руки и взывают к народу:

— Граждане, публика! Мы не хочем бороться, потому что нам второй уже месяц не платят! Где охрана? Почему коловые договоры не сполняют?

На это клубная администрация, бия себя кулаками в грудь, чистосердечно признается, что борьба— в урон делу. И, вообще,—ни к чему вся эта тяжелая затея, потому что вся наша жизнь по существу есть борьба.

— Вр-решь, сучья морда! — рычат «чемпионы». — Будет публику-то обманывать. Вр-решь!!

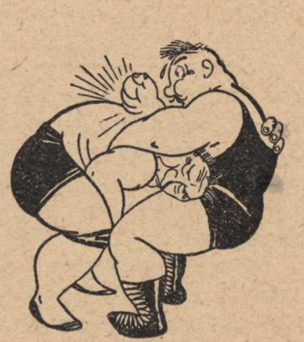
Тапер непринужденно наигрывает «Кирпичики».

— Бей его! — кричат в публике. — Жми, дави!

Пронзительный свисток арбитра взывает к милиции.

Л. Митницкий





Досужий мужчина напяливает на себя поддевку, берет напрокат у дворника свисток и превращается в «арбитра».

СЧАСТЛИВЫЕ АЗЕРБАЙДЖАНЕ

Рис. Л. Бродаты

В Азербайджане запрещены традиционные самоистязания во время религиозных праздников.



— Вот в Азербайджане никто уже на такой концерт не пойдет: у них там самоистязания запрещены.

ПОРТРЕТ

Редко-редко баловал Серега Паркеткин свою престарелую мамашу, жившую в провинции, письмами. Велика же была радость старухи, когда в один прекрасный день она получила от сына письмецо. Осторожно вскрыв конверт, она нашла в нем вырезанный из газеты Сережкин портрет и следующие строки:

«Уважающая меня старушка! Пишу вам между двумя сессиями и занятий у меня тьма, и вам их нипочем не понять. Так что передайте Маруське Горчицовой этот печатный портрет, потому что я, как известное в городе лицо, изображаюсь часто в разных печатных органах. Место у меня такое видное, что можете, старушка, гордиться, что подписью своей и удостоверяю».

Прочитав письмо, старуха от радости зарыдала. Потом накинула на голову платок и побежала к соседям поделиться своим счастьем.

— Ишь ты, какое сурьезное лицо! Ни дать, ни взять быдто вождь какой! — охали соседки, глядя на портрет.

— Теперь тебя, старуху, уж по-советски похоронят! — сказала соседка Кикина. — Потому, раз сын твой — деятель, ты ему через попа всю службу спортишь!

— Что-ж, теперь и помереть можно спокойно! Хоть по-советски, хоть по-турецки. Раз дитю в люди вывела, можно и самой в путь собираться!

А вечером приехал из города учитель и привез с собой целый ворох газет. Увидав учителя, старушка и ему сообщила о своей радости. Но учитель взглянул на портрет и задумался:

— Постойте! Где это я видал сегодня это лицо?

— Да всюду мог видеть! — не без гордости ответила старушенция. — Может, портрет моего-то Сереженьки и на стенке, рядом с прочими коммунистами висит! Все возможно!

— Ага! Вспомнил! — оживился учитель и развернул одну из газет. Там на последней полосе был портрет Паркеткина, как-раз такой же, как у старушки в руках, и под портретом некий «Око» сообщал следующее:

«А это Паркеткин Сергей, хищник культуры и первый бузила района, устроивший 6-го с. м. дебош в доме культуры. Несмотря на сей прискорбный факт, Паркеткин до сих пор не изгнан из числа посетителей и наводит адскую панику своими дикими, противоестественными потребностями. Милиция, ау? Ячейка, ау? Э-эх!..».

М. Коварский

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

На ледоколе «Красин» от «Красной Газеты» отправилась «собственная корреспондентка» Любовь Воронцова.

Вот — отрывки из ее корреспонденций:

...Играет летчик Чухновский... Покоренные нервы — послушные в воздухе — ищут выхода здесь, в каюте, поверяя доверчивым клавишам бессильный протест.

...У Бориса Григорьевича неуверенно слабое на вид тело, мягкие голубые глаза, чистое лицо.

Но читателям «Красной Газеты» интересно знать, как *летает* Чухновский, а не как он *играет*...

Для того, чтобы констатировать, что у Чухновского «слабое тело», «голубые глаза» и «чистое лицо»,— не надо было ехать на Северный полюс!..

*

В новой оперетте В. Шершеневича «Белая моль» для идеологии в чарльстонную музыку финала вплетается... буденовский марш.

По поводу упомянутой оперетты хочется сказать:

От «Белой моли» пахнет... Веной,
Почует это нос любой.
С такой халтурой откровенной —
«Веди, Буденый, нас смелее в бой!..»

*

Должен ли пионер быть вождем хулиганов?

Журнал «Клуб ВВВ», издающийся «Молодой Гвардией», находит, что— должен:

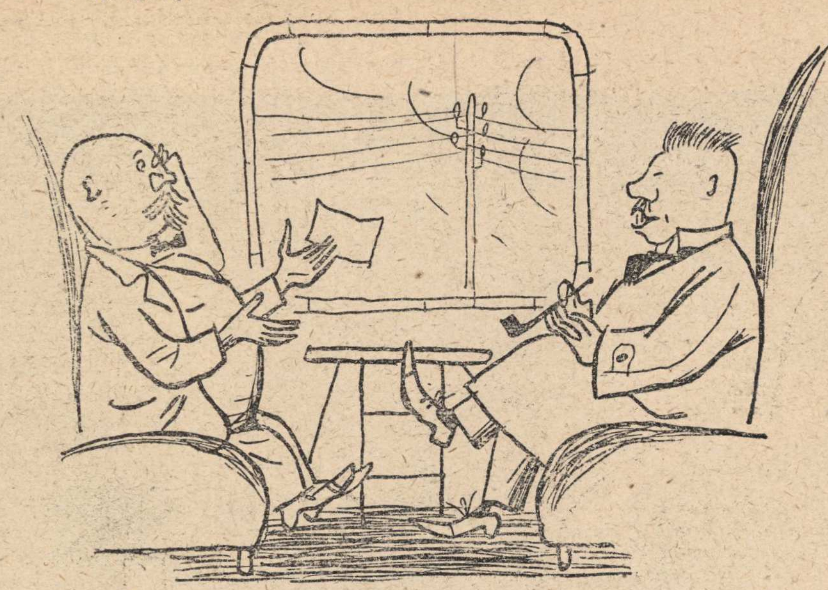
Член Клуба ВВВ не теряется ни в какой обстановке и что бы ни случилось! ДАЖЕ СРЕДИ ЧУЖИХ, ВО ВРАЖДЕБНОЙ И ХУЛИГАНИСТОЙ ТОЛПЕ — ЧЛЕН КЛУБА ВВВ ДОЛЖЕН БЫСТРО СТАТЬ ВОЖДЕМ...

Не найдутся ли после прочтения этого лозунга легкомысленные читатели, которые так расшифруют название журнала «Клуб ВВВ»:

«Клуб Вожаков Всевозможных Вредителей»?..

КОНЕЦ ВЕНЧАЕТ ДЕЛО

Рис. Б. М.



— Чем кончилась ваша заграничная командировка?

— Благодарю. Вполне благополучно: всего полтора года без строгой изоляции.

МЫСЛИ О НЕХОРОШЕМ

1. Пьяница похож на галошу «ходового» размера: *оба буквально с ног валятся.*

2. Слывя *литературной силой,* все-таки, не нужно никого *насиловать.*

3. Поэты, *скопом ухаживающие* за одной женщиной, — еще не создают этим *«коллективного романа».*

4. Напрасно говорят, что число *браков* превышает у нас число *разводов:* хулиганов ведь *развелось* больше, нежели женилось!

5. *Каждый год новая жена* — еще не есть метод борьбы за *новый быт.*

6. *И без копья* можно быть рыцарем по отношению к женщине.

7. Говоря о вопросах *пола,* не следует сыпать ответами с *потолка.*

М. К—ий

ИЗ ДРУГОЙ ОПЕРЫ

Рис. Кукрыниксы

— С головановщиной покончено... что дальше?
— Теперь надо покончить с «Хованщиной»!

В ГАБТ'е ставят ненужную «Хованщину». *«ГУДОК»*

В СЕМЕЙНОМ МАСШТАБЕ

(Опыт канцеляризации семьи)

На общее собрание семьи Завтревых, посвященное сорокатрехлетнему юбилею утверждения дня именин председателя семьи, пришли междуведомственные родственники.

— Поздравляем, Сергей Филиппович, как поживаете?

— Спасибо! Весьма согласованно! Прошу в зал заседаний... Слово для доклада тов. Графину!

— Просим! Просим!

— Извиняюсь, передайте икорку на комиссию!

— Марь Семенна, вы пейте целиком и полностью!

— Углубим еще по единой!

— Принято единогласно!

— Разрешите селедочки: никак не могу охватить.

— Имея ввиду выпить, прошу присовокупить семги.

— Водка выпита целиком и полностью, — хотите мадеры?

— Боюсь, увязки не будет.

— Не беда, — согласуете: отчетный период еще не кончился.

— Разве только в общем и целом.

— Вы по какому вопросу хотите?

— В целях достижения шпрот. Хочется подчеркнуть и отметить.

— Так у вас линия неправильная: вы мне по всему костюму красной нитью соусом прошли!

— Принимая во внимание, что ваш костюм нов не на все 100%...

— Прошу уточнить.

— А вот я вам сейчас с подлинным верно!

Бурная пощечина, переходящая в овацию. Все встают. Оживленные прения. В кулуарах шум. Слово для внеочередного заявления получает кооптированный милиционер. Составив протокол, он уводит обоих споривших докладчиков.

За спиной президиума кто-то шепчет:

— Протокол... Первый раз без слушали и постановили... Никаких конкретных предложений... Сразу вывод...

Вопрос исчерпан.

А. Стоврацкий

РЕДКИЙ СЛУЧАЙ

— Отчего это у вас сегодня шницель такой хороший?

— Он, видите ли, не в своей тарелке. Он должен быть в тарелке заведующего.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКОЕ...

— А в вашем коммутаторе сопротивление большое?

— Еще бы: четыре года хожу, никак рассмотреть не хотят.

ВСЯКАЯ БУЗА

Чехо-словаки—народ положительный и знают, как спастись от влияния компартии. Поэтому чехословацкая палата депутатов лишила находящегося в Москве депутата т. Шмераля суточных за 6 месяцев в виду отсутствия его на 51 заседании.

Прямо удивительно, как палата еще не лишила тов. Шмераля сладкого к обеду — может-быть, после этого буржуазный порядок в Чехо-Словакии почувствовал бы себя еще крепче...

❦

По сообщению «Раб. Газ.», в деревне Бутырки, Раненбургского уезда, Рязанской губернии, некая гражданка родила ребенка с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами.

Выростя, такой человек никогда не сделается бюрократом: и рук много для работы, и голова лишняя на плечах, а желудок — один.

❦

Как сообщают газеты, несмотря на приближающуюся осень, — по всей Англии стоит небывалая жара.

Менее всего чувствует это, наверное, Болдуин: ему и зимой приходится потеть и отдуваться за всех.

❦

«Комсом. Правда» пишет, что в комсомольском отряде ВСНХ есть настоящий «факир». Он глотает ножи и затем находит их у зрителей, проделывает много фокусов, видя которые, крестьяне только раскрывают рот.

Интересно, в качестве чего подобные «факиры» глотают ножи перед крестьянами: в качестве культработы, или в качестве показателя городской прожорливости? Мы тоже раскрываем рот при чтении подобных заметок, но только для того, чтобы кое-что сказать о роли подобных факиров...

❦

В Клинце кулак Мелешенко скрыл с целью спекуляции вагон разных хлебопродуктов.

Вагон, конечно, найден, а вот найдены ли те уважаемые граждане, которые допускают подобное безобразие?

„ИХНЕГО ПОЛКУ ПРИБЫЛО“...

Рис. Б. Малаховского



— Фу ты, чорт! Час от часу не легче: мало того, что уже есть рабкор, военкор, селькор, деткор, юнкор и совкор — еще какой-то коленкор прибыл!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

ПРИНИМАЯ ВО ВНИМАНИЕ...

Сообщают нам такой печальный факт из города Смоленска:

Заместитель начальника смоленского губернского административного отдела т. Берг клал себе в карман присланные лесным отделом премиальные суммы за обнаруженные милиционерами лесонарушения. Местная газета «Рабочий Путь» в № 126 опубликовала эти проделки Берга. Несмотря на это, Берг получил повышение по службе — он назначен начальником смоленского губрозыска.

Товарищ, сообщивший нам этот факт, в заключение просит:

«Напишите об этом статейку».

С удовольствием написали бы, но, к сожалению, соответствующая статья, и очень неплохая, уже написана в уголовном кодексе.

СВОИ ЛЮДИ

У всякого заведующего, как известно, имеется «хвост», который он тянет всюду за собой. Вновь назначенный заведующий конторой еврейского колонизационного общества в Гуляй-Поле тоже не захотел оригинальничать и привез с собой из Москвы множество служащих. И теперь там, как сообщает нам наш рабкор:

происходит такая картина — старых служащих, которые проработали уже 2 года, новый заведующий увольняет, при том увольнение происходит так: он вызывает по одному человеку к себе в кабинет и говорит вежливенько: «Подайте, голубчик, заявление, что вы не желаете работать!»

Недаром этот заведующий приехал из Москвы: сразу чувствуется деликатное обращение.

НА МЕДИЦИНСКОМ ФРОНТЕ

Жалуется один медработник из опропункта ст. Тихорецкая:

Когда я наклонился, чтоб сделать перевязку рабочему ж.-д. мастерских Попову Павлу, то он меня ударил по лицу. Обращался по поводу этого в упрофсож Тихорецкого узла, но они палец о палец не ударяют для разбора этого дела.

Охота им пальцы свои тревожить, когда тут человек всей рукой бьет... по культработе упрофсожа.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ НАТУРЫ

Весело живется в Камешкове Владимирской губернии. Там при фабрике им. Свердлова —

Духовой оркестр соглашается бесплатно исполнять только «Интернационал». Если же закажут «Смело, товарищи, в ногу»,— гоните червонцы.

И, протягивая руку за деньгами, камешковские музыканты обращаются к заказчикам так:

— Ну-с, мы вам «Смело, товарищи, в ногу», а вы—нам «Смело, товарищи, в руку!».

В духовой музыке это называется «взять на бас»!

СМЕХАЧИНА

1. Кто был первый головотяп?
2. Что делает жулик в воде?
3. В какой столице и при каких обстоятельствах начали говорить: «Довольно халтуры!»
4. Каков химический состав подхалима?
5. В каких случаях говорят: «Обидно, досадно до слез, до мученья, что в жизни так поздно мы встретились с тобой!»

Наиболее остроумные ответы будут опубликованы в «Смехаче» и премированы.

Издание газеты **«ГУДОК»**. Адрес редакции: Москва, Солянка, 12, Дворец Труда, 3-й этаж, ком. 365. Отв. редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А18142. Отп. в тип. «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7. Заказ № 1404. Тираж 100.000.

ТРЕНЬ-БРЕНЬ

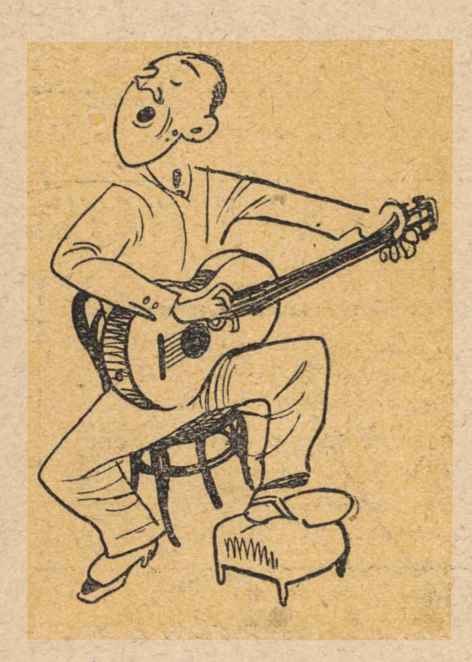
Рис. К. Ротова

Текст Н. Агнивцева

По вечерам, крутясь средь женщин
В великолепии своем,
Он, чорт возьми, никак не меньше,
Чем — довоенный Аполлон!
На нем — кашнэ в 4 метра!
На нем жилет — пунцовый цвет!
И — гетры, гетры, гетры гетры —
Каких в природе больше нет!



И, пренебрегши жалкой прозой,
Он на гитаре: про сирень,
Про грезы, розы и про слезы:
— «Трень-брень! Трень-брень!
Трень-брень!»



А по ночам, душою пылкой
Вз'ярен до самого нутра,



Ныряет смаху он в бутылку
И плещется в ней до утра!

— «Эх, жизнь моя! Живи! Не мешкай!
Дуй водку в глотку! Кра-со-та!»
И льется водка, вперемежку
Струясь то в рот, то — изо-рта!



И, средь друзей в пивнушном гаме,
Он, сдвинув шляпу на бекрень,
Во всю — чужими матерями:
— «Трень-брень! Трень-брень!
Трень-брень!»



А утром он с икотой вместе
По стенкам стелется, как дым...

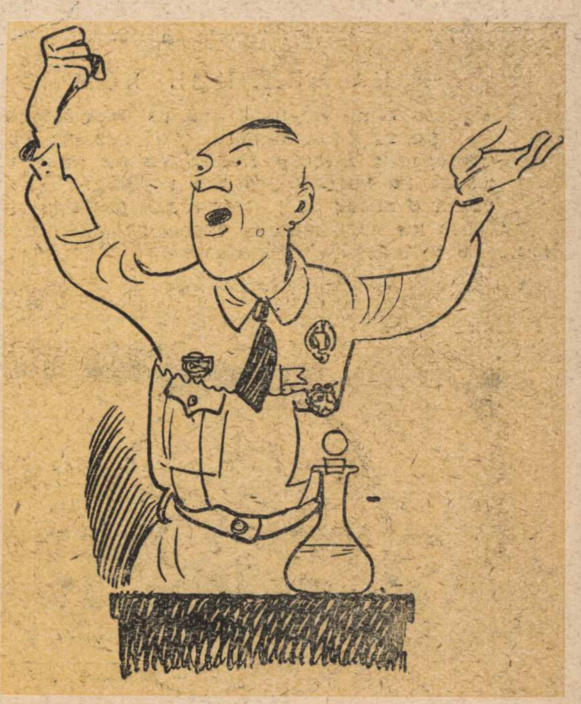


И гулко слышится: «Не лезьте!» —
От всех встречающихся с ним.

Добравшись до квартиры сапой,
Он принимает трезвый вид:
Фасонит галстук, чистит шляпу,
Плюет на стенку и — звонит.
И дома, с видом очень ярым
Вступив под загсовую сень,
Жену по черепу — гитарой:
— «Трень-брень! Трень-брень!
Трень-брень!»



А днем, с обычною сноровкой
Сменив фокстротистый пиджак
На пролетарскую толстовку,
Он уж не он! Он — флаг! Он — стяг!
И на груди гостеприимной
Сияют, выпятившись в ряд, —
И Автодор с Авиахимом,
И Мопр, и Вокс, и Охматмлад!
И убедительно и бурно



Со всех трибун он — целый день —
О революции культурной:
— «Трень-брень! Трень-брень!
Трень-брень!»